

УДК 94(470.55)

«ДЕЛО ЗАЛЬЦМАНА» ПО ИСТОЧНИКАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: О ПРИЧИНАХ КАДРОВЫХ ЧИСТОК В ПЕРИОД «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА»

© 2016 г.

А.Н. Федоров

Челябинский государственный университет, Челябинск

alex_boss@list.ru

Поступила в редакцию 02.02.2016

Анализируются источники личного происхождения, в которых освещается одно из резонансных «дел» конца 1940-х гг. – отставка директора Кировского завода И.М. Зальцмана. Делается вывод, что в воспоминаниях пострадавшего данное событие представлено тенденциозно и связывается исключительно с «ленинградским делом». Однако по воспоминаниям коллег Зальцмана его отставка явилась результатом целого ряда субъективных и объективных причин.

Ключевые слова: И.М. Зальцман, Кировский завод, воспоминания, кадровые чистки, «ленинградское дело», «поздний сталинизм», источниковедение.

Общеизвестно, что источники личного происхождения отличаются высокой степенью субъективности и относиться к ним следует критично, выясняя мотивы и обстоятельства их создания и сопоставляя с иными видами источников. И в этом сходятся не только источниковеды [1, с. 388–397; 2, с. 287–392; 3], но и люди, далекие от исторической науки. Тем не менее многие публицисты и даже историки упускают это из виду, принимают сведения из дневников и мемуаров на веру и без каких-либо пояснений представляют их обществу. В результате такого «подхода» происходит не только искажение известных фактов, но и «появление» новых, на основе которых нередко создаются исторические мифы.

Среди легенд, возникших большей частью из-за не критического отношения к мемуарам, особо выделяется история «падения» знаменитого танкостроителя и директора Кировского завода Исаака Моисеевича Зальцмана. Ныне этот сюжет известен благодаря юбилейным заметкам в прессе, многочисленным публикациям в Интернете и телепередачам. И в большинстве этих материалов приводятся воспоминания самого Зальцмана о том, что в 1949 г. его сняли с должности и исключили из партии за отказ клеветать на руководителей Ленинграда, против которых фабриковалось «ленинградское дело». Правдоподобность и растиражированность данной версии, а также отсутствие иных точек зрения на событие способствовали тому, что она со временем превратилась в непреложную истину. И это несмотря на то, что у специалистов она вызывает серьезные сомнения [4, с. 132–133; 5, с. 144–145], а источниковедческий анализ воспоминаний Зальцмана до сих пор не проведен.

Исходя из последнего обстоятельства, цель данной статьи состоит в том, чтобы проверить версию И.М. Зальцмана, т. е. выяснить степень достоверности его воспоминаний и сопоставить их с другими источниками личного происхождения, в которых содержатся сведения о его опале. Ныне это возможно сделать благодаря тому, что за последнее время изданы и обнаружены в региональных архивах мемуары и дневники коллег знаменитого танкостроителя, которые были очевидцами его «падения».

Вообще за воспоминания И.М. Зальцман брался несколько раз, живо описав в них свое участие в организации советской танковой промышленности, и они были опубликованы в 1980-е гг. [6, 7]. Но о событиях 1949 г. там не было даже намека. Только в 1987 г. Исаак Моисеевич надиктовал 14-страничную автобиографию и разослал ее друзьям и знакомым. Один из абзацев в ней посвящен опале: «В 1949–1955 гг. мне пришлось пережить тяжелое время, я был сурово наказан по партийной линии в связи с т. н. “ленинградским делом”. Оставаясь депутатом Верховного Совета СССР 2-го созыва, это также не коснулось моих званий и правительственных наград. Это был период безответственных решений, вседозволенности, нарушений Устава партии и всякой социалистической законности. Я стойко и честно оценил обстановку и не дал себя спровоцировать, несмотря на различные посулы и угрозы. По этой причине я очутился на работе в Муроме Владимирской области и в 1952 году был переведен в Орел на завод “Трансмаш”» [8, л. 10–11]. И хотя в этом отрывке нет никаких подробностей, все же это было первое публичное признание Заль-

цмана, предвосхитившее все последующие его откровения на данную тему.

Показательно, что Зальцман еще до «перестройки» рассказывал семье и друзьям, как пострадал из-за «ленинградского дела» [9; 10, с. 280]. Но доверить все бумаге он решился лишь один раз, в марте 1986 г., когда написал письмо журналисту Р.Ф. Шнейвайсу, которого хорошо знал еще с челябинских времен. Шнейвайс дважды, в 1989 и 2001 г., опубликовал отрывки этого пространного письма, но оба раза не столько цитировал сам оригинал, сколько пересказывал его содержание [11, с. 78–106; 12]. И хотя челябинский краевед Г.И. Ерусалимчик в одной из своих книг привел большой фрагмент послания [13, с. 135–138], все-таки весь текст источника исследователям до сих пор недоступен.

Интересно, что широко обнародовать свою версию И.М. Зальцман решился только летом 1988 г., через 39 лет после отставки. За несколько недель до кончины он поведал ленинградскому журналисту А. Гервашу о «действительных» причинах и инициаторах своей опалы. И надо сказать, что момент для этого был выбран самый подходящий. Во-первых, история Зальцмана полностью соответствовала «перестроечным» представлениям общества о сталинских репрессиях. Во-вторых, именно в 1987–1988 гг. «ленинградское дело» было на слуху у всей страны [14]. В-третьих, опровергнуть Зальцмана было практически невозможно, поскольку «виновники» его опалы умерли (последний из них, Г.М. Маленков, скончался 18 января 1988 г.), а архивные документы по «делу» были тогда недоступны.

Интервью И.М. Зальцмана в октябре 1988 г., т. е. после его смерти, опубликовали в газете «Труд», и оно разошлось 18-миллионным тиражом [15]. Впоследствии его несколько раз переиздали, и на него ссылаются не только журналисты, но и историки. Однако это был не первый материал, в котором говорилось об интригах Маленкова и Берии против знаменитого танкостроителя. Еще в июне 1988 г. в киевской газете «Комсомольское знамя» появилась обширная статья, где описывались все злоключения Зальцмана [16]. Ее автором был историк В.И. Сергейчук, который в 1970-е гг. часто виделся с «танковым королем», добился его расположения и записал его откровенные рассказы. Сюжет об опале, как и всю биографию героя, он изложил в виде повествования с пространными диалогами, значительно переработав воспоминания Зальцмана и текст его апелляции в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС (далее – КПК). Но, несмотря на столь доступный стиль и

повторную публикацию в журнале Союза писателей Украины, данная история не привлекла внимания читателей и специалистов. Видимо потому, что на Украине, за исключением Харькова, где еще работали люди, знавшие танкостроителя по военной эпохе, имя Зальцмана не было так известно, как на Урале или в Ленинграде.

Спустя полтора десятилетия Сергейчук по просьбе детей Исаака Моисеевича и при финансовой поддержке предприятий, которыми когда-то руководил Зальцман, подготовил и издал книгу [17]. В ней версия, озвученная бывшим директором, обросла новыми деталями, но от этого доверия к ней не прибавилось. Ведь при написании книги Сергейчук, как и в случае со статьей, пользовался почти исключительно воспоминаниями своего героя. Причем, как и раньше, он не столько цитирует их, сколько излагает на свой лад, часто прибегая к художественным оборотам. Кроме этого, историк не критично отнесся к сведениям респондента и не проверил их, как то настоятельно советуют специалисты по устной истории [18, с. 15–17, 41–42]. Например, он поверил Зальцману и приписал ему своевременную разработку трактора С-80, позволившую «быстро перевести часть цехов на производство этой мирной продукции» [17, с. 224–225]. Между тем достаточно прочесть книгу, которую в свой список литературы внес сам Сергейчук, чтобы выяснить, что проектировать трактор в 1944 г. начала группа инженеров во главе с П.М. Данилюком, а директор «подключился» к делу только в конце мая 1945 г. [19, с. 10–12]. И подобная недальновидность управленца, как и другие его ошибки, на целый год задержала конверсию на заводе [5, с. 144–145].

Из изложенного выше следует, что история Зальцмана о том, как его сняли в 1949 г., существует в четырех вариантах, причем у каждого из них имеется какой-нибудь «изъян». Например, письмо Шнейвайсу дошло только во фрагментах, а заметка Герваша, статья и книга Сергейчука являются более или менее удачной литературной обработкой устных текстов. И возникает вопрос: какому из этих вариантов следует отдать предпочтение? Опыт источниковедов подсказывает, что самым достоверным, как правило, считается наиболее ранний и короткий текст. Но в нашем случае три текста из четырех созданы практически одновременно и вполне сопоставимы по объему. Поэтому выявить, какой из них наиболее репрезентателен, можно путем их сравнения, выявления сюжета и ключевых эпизодов рассказа (см. табл.).

Первым эпизодом является странная отповедь Л.П. Берии, которую он устроил И.М. Зальцману в 1948 г. за частые визиты к

Таблица

Разночтения в вариантах рассказа Зальцмана о его опале

№	Эпизод	Письмо Шнейвайсу, март 1986 г.	Статья Сергейчука, июнь 1988 г.	Заметка Герваша, октябрь 1988 г.	Книга Сергейчука, 2005 г.
1	Отповедь Берии	–	–	+	+
2	Проверка Мехлиса	+	–	–	–
3	Встреча у КПК	–	+	–	+
4	Предложение написать донос	–	–	члены КПК, Шкирятов, Маленков, Суслов	члены КПК, Шкирятов, Маленков, Суслов
5	Объяснительная записка Зальцмана	–	–	+	+
6	Категорический отказ Зальцмана	–	–	+	–
7	Вопрос о подарках	партийные боссы	Шкирятов, Берия, Маленков	Шкирятов	Шкирятов, Берия, Маленков
8	Подарок Сталину	настольный прибор	меч	настольный прибор	меч и прибор
9	Посещение музея	музей Революции	название не указано	музей Пушкина	музей Пушкина
10	Справка из музея	–	справка	надпись на табличке	справка
11	Предложение написать донос	партийные боссы	Шкирятов, Берия, Маленков	–	Шкирятов, Берия, Маленков
12	Посул за донос	+	+	–	+
13	Ссылка в Муром	–	+	+	+
14	Вызовы в КПК	–	–	+	+
15	Сбор компромата	+	–	–	–
16	Исключение Зальцмана из партии	причины не указаны	причины не указаны	за финансовые нарушения и неверный стиль работы	за финансовые нарушения и неверный стиль работы

А.А. Кузнецову (1). К 1948 г. относится и второй эпизод – проверка, которую учинил министр госконтроля Л.З. Мехлис, узнавший о подарках Зальцмана руководителям Ленинграда (2). Остальные моменты относятся к 1949 г., и первый из них – случайная встреча Зальцмана с Кузнецовым у входа в помещение КПК (3). Далее идет предложение руководителя КПК М.Ф. Шкирятова сообщить компрометирующие данные на бывших руководителей Ленинграда (4) и письменное объяснение Зальцмана, в котором он изложил только положительные факты о «ленинградцах» (5). Важен эпизод, когда на всевозможные угрозы Зальцман категорично заявляет: «можете меня расстрелять, но больше мне сказать нечего» (6). Затем его вновь (по другой версии – впервые) вызывают в КПК и спрашивают, почему в 1944 г. руководители Ленинграда получили подарки от завода, а Сталин нет (7). Директор понимает, что ему пытаются «пришить» политическое обвинение, но вспоминает, что особый подарок был изготов-

лен и для «вождя» (8). Чтобы доказать это, он посещает музей, где экспонировался презент (9), и получает справку о нем (10). Однако ему вновь (впервые) предлагают написать донос на Кузнецова (11), посулив за это пост министра (12), но он отказывается. По личному указанию Сталина Зальцмана снимают с поста директора и направляют мастером в Муром (13), затем еще дважды вызывают в КПК (14), собирают на него компромат (15) и, наконец, исключают из партии (16).

Из таблицы следует, что в первых трех вариантах сюжет прост и состоит из двух ключевых эпизодов: вопрос о подарках (7) и предложение Зальцману написать донос (4 или 11). Зато последний вариант сложен, поскольку предложение оговорить «ленинградцев» фигурирует в нем дважды (4–7–11). В принципе подобная ситуация, когда от человека настойчиво пытаются добиться информации путем предъявления компромата на него самого, довольно реалистична. Но сравнение сюжетных линий пока-

зывает, что последний вариант представляет собой простое сложение эпизодов из статьи Сергейчука и заметки Герваша. И весьма показательно, что историк не стал заимствовать у журналиста только один эпизод – категорический отказ Зальцмана давать сведения на «ленинградцев» (6), – который лишил бы смысла дальнейшее, изобилующее деталями и диалогами повествование. Поэтому следует признать, что вариант из книги Сергейчука является компиляцией и как источник не представляет никакой ценности.

В оригинальных текстах, появившихся в конце 1980-х гг., имеются расхождения в наборе и порядке эпизодов, а также разночтения по поводу времени вызова Зальцмана в КПК. Ведь в письме Шнейвайсу указан 1949 г., в статье Сергейчука – лето 1949 г., а у Герваша – июнь 1949 г. Но все это не должно вызывать удивления, поскольку отсутствие точности и однозначности или, иначе говоря, вариативность вообще характерны для устной истории, и ими можно пренебречь. Важнее определить ту цель, которую преследует человек, рассказывая о своей жизни другим людям и представляя ее в том или ином свете [18, с. 24–57, 104]. И в случае с Зальцманом эта цель вполне очевидна и естественна – представить «дело» как результат интриг, а себя показать в исключительно положительном, героическом ореоле. Недаром же через его рассказ, независимо от варианта, красной нитью проходит мысль, что он, несмотря на смертельную угрозу и всякие посулы, не стал клеветать на достойных людей и из-за этого лишился всего, что имел. И эта идея сказана на подаче всех, даже «положительных» фактов. Ведь снятому с директорской должности Зальцману все-таки оставили все награды и звания, однако он либо представлял это как «сбой» государственной машины, либо вовсе умалчивал об этом показательном моменте [12, 15, 16].

Озвученный вывод вовсе не означает, что версия Исаака Моисеевича от начала и до конца является выдумкой. Наоборот, многие реалии 1940-х гг. и документы той эпохи в чем-то подтверждают ее. Ведь Зальцман и в самом деле был тесно связан с руководителями Ленинграда, где работал до октября 1941 г., а с Кузнецовым поддерживал связь и тогда, когда он стал секретарем ЦК ВКП(б). Доказательством тому являются визиты в кремлевский кабинет Кузнецова, многочисленные просьбы и записки на его имя. Более того, имеются косвенные данные о том, что на рубеже 1947–1948 гг. Кузнецов попытался воспользоваться передвижками в высшем эшелоне власти и сделать директора Кировского завода министром транспортного машино-

строения. И всего этого было достаточно, чтобы счесть Зальцмана за человека, близкого к «ленинградцам», и попытаться получить у него компромат на них. Но документально подтверждаются и некоторые эпизоды, упомянутые рассказчиком, например, то, что в Музее Революции на выставке подарков И.В. Сталину экспонировался «письменный прибор и настольная лампа от кировцев» [20, л. 84]. Или сюжет о шашках, украшенных драгоценными камнями, которые в 1944 г. от имени Кировского завода вручили руководителям обороны Ленинграда [21, л. 224–225]. Впрочем, из тех же самых документов следует, что некоторые факты Зальцман искажал. Ведь с его слов, шашки были изготовлены на общественные средства, а для удобства оплачены через бухгалтерию завода, но придирчивый Мехлис усмотрел в этом нарушение и объявил выговор [12]. На деле, никаких «общественных денег» не было и заказ в размере 120 тыс. руб. был оплачен исключительно из средств завода [22, л. 70–72]. Да и выговор за расходование 800 тыс. руб. Зальцман получил не в 1948 г., а годом ранее, и не от министра госконтроля, а от Совета Министров СССР [23, л. 136–137]. И совершенно ясно, что все эти неточности и умолчания вовсе не случайны: просто Зальцман, как и многие другие мемуаристы, стремился обойти неприятные для него моменты.

И все же приведенные доказательства не являются достаточными. Чтобы убедиться в том, что с Зальцмана действительно пытались получить показания на «ленинградцев», и прежде всего на Кузнецова, необходимо его письменное объяснение, если таковое было, или апелляции в КПК (летом 1952 г., осенью 1953 г. и весной 1955 г.), где он мог упоминать об этом случае. Эти документы, вероятно, хранятся в личном деле Зальцмана, однако в связи с ограничением доступа к информации, касающейся личной тайны, ознакомиться с ним нет возможности. Но, как бы там ни было, против версии Зальцмана имеется один существенный довод. Все дело в том, что доподлинно неизвестно, когда ему предложили написать донос. Ведь согласно архивным данным, его «дело» разбирали с конца июня до начала сентября 1949 г., при этом сначала в ЦК ВКП(б) решался вопрос о его директорстве, и после 11 июля КПК выясняла, можно ли его оставить в партии или следует исключить [24, л. 190]. А основных фигурантов «ленинградского дела» арестовали в конце июля – начале августа 1949 г. Случаев же, когда показания против них собирали еще до ареста, до сих пор не зафиксировано [25, с. 104–105]. Следовательно, предложение Зальцману сообщить что-то порочащее на бывших

коллег могли сделать не ранее августа. И если наши соображения верны, то вся история опять же отличается от того, что друзьям и журналистам поведал прославленный танкостроитель.

Поскольку мы выяснили, что Исаак Моисеевич исключил из своего рассказа ряд важных деталей, то перед нами встает задача восполнить эти пробелы. Это можно сделать при помощи других источников, например документов ЦК ВКП(б) и Челябинского обкома партии или материалов министерств и Челябинского Кировского завода. Но предпочтение следует отдать воспоминаниям очевидцев тех событий. Во-первых, потому, что там может содержаться информация о личных взаимоотношениях, которая нечасто попадает в официальные документы. Во-вторых, мемуары «сторонних» наблюдателей порой отличаются достоверностью и представляют иные, более взвешенные точки зрения на то или иное происшествие.

В начале статьи отмечалось, что ныне известно несколько источников личного происхождения, в которых излагаются причины и ход «дела Зальцмана». Среди них выделяются воспоминания Я.Е. Гольдштейна, который долго работал на Кировском заводе главным металлургом и поэтому хорошо знал И.М. Зальцмана [26]. Причинами его опалы он считал поиски виновных, на которых можно было списать неудачи послевоенного времени, «пятую графу» и попытки «приписать ему связь с ленинградской оппозицией». Но главную причину «падения» шефа он усмотрел в компромате, собранном «главным юристом завода Волковым» и отправленном самому Шкирятову. При этом «видную» роль во всей истории сыграл В.А. Малышев, нарком танковой промышленности и бывший начальник Зальцмана, якобы посоветовавший ему ни в чем не признаваться, хотя «опытные люди считали, что в той ситуации надо было в чем-то поступиться и покаяться» [26, с. 189–190].

Изложенные Яковом Ефимовичем сведения грешат неточностями, но подтверждаются общеизвестными фактами и архивными документами. Ведь в 1949–1950 гг. в разных ведомствах, в том числе и в министерстве транспортного машиностроения, к которому относился Кировский завод, прошли чистки, в ходе которых постов лишились директора, не обеспечившие выполнение планов и уличенные в разных махинациях. А поводом для разбирательств с Зальцманом действительно послужило письмо секретаря парторганизации заводоуправления А.М. Зверева, который впоследствии работал на заводе юристом [27, л. 146–161]. Только донос попал не к Шкирятову, а Сталину [28, л. 15а], а

роль Малышева была неоднозначной. С одной стороны, до 1949 г. он во всем помогал Зальцману, выделяя дополнительные ресурсы, не спрашивая строго за ошибки и оберегая его от серьезных проверок. И тот в свою очередь тоже отвечал «добром», например поддерживал инициативы министра и щедро спонсировал его брата, работавшего на заводе художником [23, л. 39–43, 132–133]. С другой стороны, Гольдштейн и другие мемуаристы утверждают, что однажды в начале войны Зальцман выставил шефа в невыгодном свете перед самим Сталиным, и в 1949 г. тот сполна отомстил за это [26, с. 189–191; 29, с. 159–160]. Прямых доказательств последней версии нет. Однако 2 июля 1943 г., когда Малышев вновь стал наркомом, он записал в дневнике: «Не скрою – был рад. Во-первых, потому что это означает доверие, во-вторых, потому что это означает возвращение в любимое дело, в-третьих, потому что Зальцман вел дело не так, как надо, и мне было иногда обидно и больно видеть это» [30, с. 121]. Да и сам Зальцман в 1970-е гг. написал одному знакомому: «Малышева я ценил и для него много сделал. Хочу о нем сохранить хорошую память, несмотря на то, что в 1949 он мог для меня сделать много что...» [31, л. 1].

Намек на роль «пятой графы» в «деле», сделанный Гольдштейном, тоже нуждается в пояснении. С одной стороны, при рассмотрении вопроса о партийности Зальцмана, ему, помимо прочего, предъявили обвинение в оказании помощи театру Михозлса из средств завода [21, л. 224–225]. К тому же во второй половине 1949 г. на заводе прошла кампания по «оздоровлению кадров», в ходе которой уволили руководителей, которых прежде продвигал Зальцман. Примерно половина из них были евреями, и этот факт стал почвой для слухов об антисемитской подоплеке «дела» [32, л. 88]. С другой стороны, иных бесспорных доводов в пользу «пятой графы» нет. Ведь если вспомнить о Гольдштейне, то в 1949 г. он сам попал в список неблагонадежных кадров (сын промышленника), но трогать его не стали, видимо, потому, что считали незаменимым человеком [33, л. 66–68, 148–149]. Наконец, даже ведущий специалист по антисемитизму сталинской эпохи Г.В. Костырченко в отношении Зальцмана придерживается версии, что его привлекли сугубо по линии «ленинградского дела» [34, с. 616–618].

В отличие от предыдущего мемуариста Л.А. Михайлов, который в 1945–1951 гг. работал на Кировском заводе начальником цеха и Особого бюро, в своих мемуарах указал всего одну причину опалы Зальцмана – жалобы его подчиненных в высшие инстанции. Только

обиженным у него оказался не Зверев, а начальник цеха точной механики Беляев, которому директор приказал сверх положенного срока заниматься делами, не входившими в его служебные обязанности. Беляев якобы обратился к секретарю партийной организации заводоуправления, а тот подготовил солидный компромат и направил его в ЦК ВКП(б). Поэтому на заводе побывала министерская комиссия, подтвердившая «часть компромата, касающуюся достоинства чести человека», но после рассмотрения вопроса в ЦК ВКП(б) Зальцмана все-таки освободили от директорской должности и направили мастером в Муром [35, л. 61–62].

Свои воспоминания Лазарь Андреевич написал спустя полвека после тех событий, но он допустил всего две незначительные ошибки. Во-первых, Беляев не обращался к Звереву, а подал жалобу в ЦК ВКП(б), и после всех разбирательств его восстановили в должности, а Зальцману указали на неправильное поведение [36, л. 117–121]. Зверев же отправил свое письмо Сталину через год после этого, в феврале 1949 г., и о Беляеве не написал там ни слова. Во-вторых, комиссия, побывавшая на заводе, кроме грубого отношения директора к подчиненным все же подтвердила факты злоупотреблений, допущенных руководством завода, и это тоже сказалось на окончательном решении ЦК ВКП(б) [37, л. 164–174].

Еще одним источником, из которого можно почерпнуть важные детали, является дневник В.Д. Тарасова, который работал референтом директора Кировского завода с мая 1948 г. по сентябрь 1949 г. [38, с. 61–118]. Сразу оговоримся, что Владимир Дмитриевич редко делал записи. Например, в 1949 г. их оказалось только три. Однако все они касались интересующего нас «дела». В частности, 10 апреля он отметил, что на заводе узнали о «клеветническом» письме Зверева, и добавил, что «в некоторой части я сам присоединяюсь к его высказываниям». 20 апреля он сообщил о комиссии заместителя министра Мосина, быстро проверившей сигнал и сделавшей «предварительные выводы, не очень приятного для завода содержания». А спустя 3 месяца в дневнике появилось описание партийного актива, на котором обсуждали постановление ЦК ВКП(б) о Зальцмане. Здесь Тарасов аккуратно перечислил обвинения, предъявленные бывшему директору (неспособность обеспечить план, грубое обращение с работниками и зажим критики), и заметил, что тот и прежде получал серьезные взыскания от министерства и правительства [38, с. 110–113].

Судя по дневнику, взгляды Тарасова на событие эволюционировали от осуждения до полного одобрения, но это не сказалось на досто-

верности изложенных им фактов. Ведь из архивных документов следует, что после войны положение Кировского завода было крайне тяжелым, и прежде столь удачливый Зальцман со своими задачами не справлялся. И Совет Министров СССР в апреле 1947 г. действительно вынес ему выговор за финансовые нарушения, в ноябре 1948 г. – указание на невыполнение плана по тракторам, а в феврале 1949 г. – выговор за срыв танковой программы [39, л. 145; 40, л. 4–11]. Любой другой директор с таким «багажом» давно лишился бы должности, но у Зальцмана были заслуги и покровители. Может, поэтому сначала на завод прибыла лояльная к нему министерская комиссия. И только потом, в июне, появилась цековская комиссия, которая, вопреки ожиданиям, тоже не стала придирается к Зальцману и попыталась часть его вины переложить на других людей [37, л. 164–174].

Помимо рассмотренных источников имеются и другие, но они, как правило, содержат отрывочные сведения или вовсе небылицы. Например, работавший на Кировском заводе слесарем Б.М. Богуславский утверждает, что оргвыводы по Зальцману сделали потому, что наверху случайно узнали о том, как он «в редкие свободные часы позволял себе... покататься верхом» [41, с. 95]. А Е.В. Мамонтов, в 1940-е гг. работавший партгором на заводе и участвовавший в рассмотрении «дела» в ЦК ВКП(б), обронил об этом всего пару фраз: «Горестные это были дни. Я тогда выезжал в Москву вместе с Зальцманом и видел: не хотят здесь понастоящему разобраться, не хотят! Какие-то другие пружины нажимали – чужие, подлые, человеконенавистнические. Зальцману сказали: “Чины и награды вам оставляем, а вот партбилет отбираем – недостойн”. Я впервые в жизни видел, как генерал плачет: тихо, обхватив голову руками, вздрагивая плечами. И утешать его мне было нечем» [11, с. 104–105]. И хотя это свидетельство раскрывает весь трагизм ситуации, оно неинформативно и в нем воедино слились два события – рассмотрение дела Зальцмана в ЦК в конце июня и его исключение из партии в КПК в начале сентября 1949 г.

Подводя итоги исследования, отметим, что в источниках личного происхождения по «делу Зальцмана» прослеживаются две основные версии причин данного события. Во-первых, это версия, озвученная самим И.М. Зальцманом в его письмах и интервью конца 1980-х гг., в которых вся история сведена к одному эпизоду – отказу Зальцмана клеветать на руководителей Ленинграда. Данный рассказ драматизирован и наполнен разоблачительным пафосом, свойственным периоду «перестройки», но при этом

почти не подтверждается архивными документами. А это означает, что версия Зальцмана не выдерживает критики и ее следует воспринимать скорее как весьма умелую и удачную попытку танкостроителя спустя 40 лет вернуть себе доброе имя. Вторая версия причин опалы И.М. Зальцмана представлена в воспоминаниях и дневниках его коллег. Согласно их мнению, «дело» явилось результатом целого ряда как объективных (невыполнение производственных планов и спецзаданий, многочисленные злоупотребления, кадровые чистки в министерстве), так и субъективных (внутризаводские конфликты, интриги начальства, борьба группировок в высшем руководстве страны) причин, а поводом для его начала послужил типичный «сигнал снизу». Разбирательство по «делу» длилось полгода и проходило по стандартной схеме, включавшей как ведомственную, так и более строгую цеховскую проверку с последующим тщательным рассмотрением вопроса в ЦК ВКП(б). И весьма показательно, что данная версия полностью подтверждается архивными документами, соответствует политическим реалиям и практике решения кадровых вопросов, которая существовала в период «позднего сталинизма». И поэтому данную версию следует считать наиболее достоверной и обстоятельной, несмотря на то, что многие историки и публицисты игнорируют ее, предпочитая более эффектную и драматическую «ленинградскую» версию Зальцмана.

Список литературы

1. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории: Учебное пособие. М.: Академия, 2008. 459 с.
2. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / Под ред. А.К. Соколова. М.: Высшая школа, 2004. 687 с.
3. Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. С. 14–31.
4. Запарий В.В. Танковая промышленность Урала в период послевоенного пятилетия: основные проблемы развития // Танкпром, век XX: история, историография, источники, музейное воплощение: Сб. ст. Н. Тагил: ОАО «УВЗ», 2013. С. 128–136.
5. Шубарина Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945–1965 гг. Челябинск: ИЦ «Уральская Академия», 2011. 282 с.
6. Зальцман И.М. Кировский завод – фронту и сельскому хозяйству // Союз созидателей: Сборник очерков и воспоминаний. Л.: Лениздат, 1982. С. 37–49.
7. Зальцман И., Эдельгауз Г. Вспоминая уроки Танкограда // Коммунист. 1984. № 16. С. 76–87.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 85.
9. Герасимов И. Оружие против страха // Литературная Россия. 1987. 28 августа.
10. Лурье Л. Без Москвы. СПб.: БХВ-Петербург, 2014. 416 с.
11. Карташов Н. Командармы индустрии. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1989. 219 с.
12. Шнейвайс Р. Как Сталина оставили без сабли // Челябинский рабочий. 2000. 25 февраля.
13. Ерусалимчик Г.И. Разные судьбы – общая судьба (из истории евреев Челябинска). Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 1999. 448 с.
14. Кутузов В. Как это было? // Вечерний Ленинград. 1988. 16, 18, 20, 21, 23 мая.
15. Герваш А. Танковый нарком // Труд. 1988. 13 октября.
16. Сергейчук В. Танковый король России // Комсомольское знамя (Киев). 1988. 21, 22, 24, 26 июня.
17. Сергейчук В. Танковый король России. Киев: Ничлава, 2005. 236 с.
18. Черепанова Р.С. «Обычный наблюдатель»: XX век в воспоминаниях провинциальной интеллигенции. Опыт чтения и интерпретации текстов устной истории. Челябинск: Каменный пояс, 2015. 400 с.
19. Комаров Л.С., Боярчиков В.Г. Летопись Челябинского тракторного. 1945–1980. М.: Профиздат, 1982. 392 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 1467.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 536.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8300. Оп. 15. Д. 1071.
23. ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 15. Д. 1048.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 440.
25. Веригин С.Г. Ю.В. Андропов в Карелии в годы Великой Отечественной войны: из мемуаров бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянова // Исторический архив. 2015. № 2. С. 101–107.
26. Гольдштейн Я.Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск: Рифей, 1995. 412 с.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 352.
28. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 876.
29. Шулькин С. Воспоминания баловня судьбы // Нева. 1999. № 1. С. 148–161.
30. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник. 1997. № 5. С. 103–147.
31. ОГАЧО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 103.
32. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 981.
33. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8734. Оп. 6. Д. 1073.
34. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. Изд. 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2003. 781 с.
35. ОГАЧО. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 50.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 5.
37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448.
38. Путь советского офицера: Владимир Дмитриевич Тарасов (1923–1978) / Сост., науч. ред.

М.С. Салмина, Н.А. Антипин. Челябинск: Край Ра, 2013. 240 с.
39. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 2134.

40. ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 16. Д. 2.
41. Богуславский Б.М. Жизнь. Дальние воспоминания. Челябинск: Цицеро, 2012. 506 с.

**THE ZALTSMAN CASE ACCORDING TO PERSONAL SOURCES:
ABOUT THE REASONS OF STAFF PURGES IN THE «LATE STALINISM» PERIOD**

A.N. Fedorov

The article presents an analysis of some personal sources throwing light on the resignation of the director of the Kirov Plant I.M. Zaltsman, which was one of the most high profile cases of the late 1940s. It is concluded that in Zaltsman's memories this event is presented tendentially and associated exclusively with the «Leningrad case». However, according to the memoirs of his colleagues, Zaltsman resigned as a result of some subjective and objective reasons.

Keywords: I.M. Zaltsman, Kirov Plant, memoirs, staff purges, «Leningrad case», «late Stalinism», source study.

References

1. Golikov A.G., Kruglova T.A. Istochnikovedenie otechestvennoj istorii: Uchebnoe posobie. M.: Akademiya, 2008. 459 s.

2. Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika: Uchebnik / Pod red. A.K. Sokolova. M.: Vysshaya shkola, 2004. 687 s.

3. Troickij Yu.L. Analitika ehgo-dokumentov: instrumental'nyj resurs istorika // Istoriya v ehgo-dokumentah: Issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg: Izd-vo «AsPUr», 2014. S. 14–31.

4. Zaparij V.V. Tankovaya promyshlennost' Urala v period poslevoennogo pyatiletiya: osnovnye problemy razvitiya // Tankprom, vek XX: istoriya, istoriografiya, istochniki, muzejnoe voploshchenie: Sb. st. N. Tagil: OAO «UVZ», 2013. S. 128–136.

5. Shubarina L.V. Oboronno-promyshlennyj kompleks na Urale: regional'nyj opyt razvitiya, 1945–1965 gg. Chelyabinsk: IC «Ural'skaya Akademiya», 2011. 282 s.

6. Zal'man I.M. Kirovskij zavod – frontu i sel'skomu hozyajstvu // Soyuz sozidatelej: Sbornik ocherkov i vospominanij. L.: Lenizdat, 1982. S. 37–49.

7. Zal'man I., Ehdel'gauz G. Vspominaya uroki Tankograda // Kommunist. 1984. № 16. S. 76–87.

8. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO). F. R-239. Op. 1. D. 85.

9. Gerasimov I. Oruzhie protiv straha // Literaturnaya Rossiya. 1987. 28 avgusta.

10. Lur'e L. Bez Moskvyy. SPb.: BHV-Peterburg, 2014. 416 s.

11. Kartashov N. Komandarmy industrii. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 219 s.

12. Shnejvajs R. Kak Stalina ostavili bez sabli // Chelyabinskij rabochij. 2000. 25 fevralya.

13. Erusalimchik G.I. Raznye sud'by – obshchaya sud'ba (iz istorii evreev Chelyabinska). Chelyabinsk: Izd-vo Tat'yany Lur'e, 1999. 448 s.

14. Kutuzov V. Kak ehto bylo? // Vechernij Leningrad. 1988. 16, 18, 20, 21, 23 maya.

15. Gervash A. Tankovyj narkom // Trud. 1988. 13 oktyabrya.

16. Sergijchuk V. Tankovyj korol' Rossii // Komso-mol'skoe znamya (Kiev). 1988. 21, 22, 24, 26 iyunya.

17. Sergijchuk V. Tankovyj korol' Rossii. Kiev: Nichlava, 2005. 236 s.

18. Cherepanova R.S. «Obychnyj nablyudatel'»: XX vek v vospominaniyah provincial'noj intelligencii. Opyt chteniya i interpretacii tekstov ustnoj istorii. Chelyabinsk: Kamennyj poyas, 2015. 400 s.

19. Komarov L.S., Boyarchikov V.G. Letopis' Chelyabinskogo traktornogo. 1945–1980. M.: Profizdat, 1982. 392 s.

20. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 558. Op. 11. D. 1467.

21. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 536.

22. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-8300. Op. 15. D. 1071.

23. GARF. F. R-8300. Op. 15. D. 1048.

24. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 440.

25. Verigin S.G. Yu.V. Andropov v Karelii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: iz memuarov byvshego pervogo sekretarya CK KP(b) Karelo-Finskoy SSR G.N. Kupriyanova // Istoricheskij arhiv. 2015. № 2. S. 101–107.

26. Gol'dshtejn Ya.E. Otkrovenno govorya. Vospominaniya, razmyshleniya. Chelyabinsk: Rifej, 1995. 412 s.

27. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 352.

28. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 876.

29. Shul'kin S. Vospominaniya balovnya sud'by // Neva. 1999. № 1. S. 148–161.

30. «Projdet desyatok let, i ehti vstrechi ne vosstanovish' uzhe v pamyati» // Istochnik. 1997. № 5. S. 103–147.

31. OGACHO. F. R-239. Op. 1. D. 103.

32. OGACHO. F. P-124. Op. 1. D. 981.

33. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ehkonomiki (RGAEh). F. 8734. Op. 6. D. 1073.

34. Kostyrchenko G.V. Tajnaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm. Izd. 2-e, dop. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. 781 s.

35. OGACHO. F. R-420. Op. 1. D. 50.

36. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 5.

37. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 448.

38. Put' sovet'skogo oficera: Vladimir Dmitrievich Tarasov (1923–1978) / Sost., nauch. red. M.S. Salmina, N.A. Antipin. Chelyabinsk: Kraj Ra, 2013. 240 s.

39. GARF. F. R-5446. Op. 50a. D. 2134.

40. OGACHO. F. R-792. Op. 16. D. 2.

41. Boguslavskij B.M. Zhizn'. Dal'nie vospominaniya. Chelyabinsk: Cicero, 2012. 506 s.